

диссертацию в 1955 году, и лишь два года спустя опубликовала небольшую статью «О некоторых условиях превращения реакций из произвольных в произвольные»². Больше она к этой работе не возвращалась. Подробно изложил и проинтерпретировал исследование М. И. Лисиной ее научный руководитель А. В. Запорожец в книге «Развитие произвольных движений»³.

Несколько слов о Маечке, как называл ее А. В. Запорожец (и я тоже). Она всегда была ровна, приветлива, доброжелательна к окружающим ее людям, проницательна, но сдержана, порой мягко иронична, хотя чувства юмора ей было не занимать. Для заработка, сидя в Ленинской библиотеке, на нескольких языках реферировала психологическую литературу. Ее рефераты систематически публиковались в журналах ВИНТИ. При этом она признавалась, что значительно большее удовольствие получает не от чтения психологических текстов, а от английских детективов, которые читает в библиотеке.

В 1965 году я поделился с ней радостью по поводу рождения сына и с недоумением рассказал ей о богатстве его спонтанной мимики. Она посмеялась над моей «отцовской тупостью» и сказала, что она с сотрудниками зафиксировала у младенцев до 60 видов экспрессии. Мы поговорили об избыточности моторики, чувствительности и вместе посмеялись по поводу того, что некоторые взрослые настолько успешно преодолевают избыточные виды экспрессии, что оставляют себе единственное сфинксоподобное выражение лица. О примерах, которые нам пришли в голову, я умолчу.

Конечно, жаль, что так рано ушла Майя Ивановна, но хорошо, что она была! Вместе с ней вспоминаются и другие богато одаренные женщины, которые были в нашей психологии: Л. И. Божович, Т. В. Розанова, О. С. Виноградова, И. В. Равич-Щербо, Е. Ю. Артемьева...

² Лисина М. И. О некоторых условиях превращения реакций из произвольных в произвольные // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 1.

³ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.

Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли

Петр Яковлевич Гальперин — выдающийся психолог, пришедший в психологию из медицины в начале 1930-х годов. Общеизвестно, что он принадлежал к Харьковской, затем к Московской школе психологов, созданной А. Н. Леонтьевым и получившей наименование деятельностного подхода в психологии, или психологической теории деятельности. Он не был, как его ближайшие друзья и коллеги Л. И. Божович, А. В. Запорожец и др., непосредственным учеником Л. С. Выготского или, как А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин, коллегой и соратником Л. С. Выготского по созданию культурно-исторической психологии. Он, как и мой отец, П. И. Зинченко, встретился с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, А. В. Запорожцем уже в харьковский период их научной деятельности. С этой встречей была связана и проблематика его кандидатской диссертации, посвященной орудийности психики в преддошкольном и дошкольном возрасте. Под орудием он имел в виду не «орудие-знак», а реальное, вещественное орудие.

С участниками этой школы была связана его дальнейшая судьба и научная биография, которая, к сожалению, еще не написана. Я не могу претендовать на ее описание, так как не являюсь его непосредственным учеником, хотя и считаю его своим учителем. Моя задача значительно скромнее. Мне хотелось бы в этих заметках вспомнить о его уникальной роли в школе А. Н. Леонтьева, которую я не вполне законно рассматриваю как единое целое. Незаконно, потому что П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин в рамках психологической теории деятельности (или за ее пределами?) являются создателями своих собственных направлений в психологии и собственных научных школ. И эти последние, например, в сознании наших западных коллег далеко не всегда идентифицируются с психологической теорией деятельности, рассматриваются как вполне самостоятельные или имеющие корни в культурно-исторической психологии. Наиболее очевидными примерами такой оценки являются школы П. Я. Гальперина и А. Р. Лурии. Но независимо от этого вся их жизнь

и судьба были общими на протяжении многих десятилетий. Они всегда, включая военные годы (кроме фронтовиков П. И. Зинченко и Д. Б. Эльконина), были вместе. Их судьба была счастливой. Никто из них не был репрессирован. Им всем в той или иной мере удалось реализовать свои замыслы, во всяком случае, по нынешним, да и по любым меркам они многое сделали в психологии.

При значительных различиях созданных ими научных направлений они вполне ситуативно, но добровольно приняли некий персональный культурный психологический код, а именно: школа Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева — А. Р. Лурии, хотя они все, разумеется, понимали, что под этим кодом скрыты как минимум две научных парадигмы: культурно-историческая психология и психология деятельности. И каждый из них последовательно или параллельно работал в обеих. У меня есть подозрение, что именно разнообразие их талантов и интересов плюс недюжинные дипломатические и организационные способности А. Н. Леонтьева цементировали этот сложно организованный научный организм, придавали ему устойчивость, начиная с Харькова и кончая первым десятилетием (до 1979 года — года кончины А. Н. Леонтьева) существования факультета психологии Московского университета. Не только цементировали, но и привлекали к нему новых сотрудников.

Школа потому и школа, что в ней не было рядовых учеников. Роли в этом коллективе были различными. Признанным лидером был А. Н. Леонтьев, совестью — А. В. Запорожец, гением — А. Р. Лурия, мужественным научным темпераментом, щедро разбрасывающим свои идеи, — Д. Б. Эльконин. Учителем же всегда был П. Я. Гальперин. Конечно, они все были прежде всего личностями, учеными, я отмечаю лишь доминирующие личностные черты.

Петр Яковлевич был не самой сильной личностью среди них, но был признанным учителем. Л. И. Божович, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко, Д. Б. Эльконин и др., когда им удавалось задумать или сделать нечто, на их взгляд, существенное и интересное, говорили, что нужно пойти посоветоваться с учителем; часто они с любовью говорили: «Пойти к “ребё”». К нему ходили и следующие поколения (называвшие его ласковым именем Гальпетя), в том числе и мое. Ходил и я. Едва ли нужно говорить, что Петр Яковлевич далеко не всегда одобрял выслушанное. Слушал он замечательно. Когда я после его порой жестокой, но доброжелательно и иронично выраженной критики обескураженный приходил к своему непосредственному учителю А. В. Запорожцу, он с улыбкой меня утешал, говоря, что ему тоже нечасто приходится слышать комплименты от Петра Яковлевича. Нужно думать! Зря Петр Яковлевич не скажет.

А. Р. Лурия был слишком продуктивен и динамичен, чтобы советоваться с кем-либо. Да и Петра Яковлевича раздражала его продуктивность. Он говорил, что Александр Романович пишет быстрее, чем я читаю. Это не было большим преувеличением. Помню, что когда А. Н. Леонтьев в конце 1960-х годов организовал (дома у А. Р. Лурии) серию семинаров с докладами о психологической теории деятельности, то семинары кончились после доклада Петра Яковлевича. Докладчик указал на болевые точки теории, показывая это на примере экспериментальных исследований самого А. Н. Леонтьева. Самолюбие лидера было уязвлено. Потом Петр Яковлевич говорил мне, что он зря это сделал, так как А. Н. Леонтьев довольно долго таил обиду.

Коллеги и друзья Петра Яковлевича полусерьезно говорили, что у него «слабая нервная клетка». Но это не мешало ему быть беспощадным к научной легковесности и безвкусице. Приходилось наблюдать, как он на научном заседании прятал голову, когда с неудачным докладом выступал кто-то из его учеников или сотрудников. Конечно, критика, ирония, иногда юмор адресовались Петром Яковлевичем и ученым, представлявшим другие направления. Помню его очень жесткое публичное высказывание в адрес А. А. Смирнова. Хотя оно не было вовсе безосновательным, но его форма возмутила присутствовавших. К чести А. А. Смирнова, это не повлияло на его в высшей степени уважительное отношение к П. Я. Гальперину.

Петр Яковлевич, возможно, благодаря «слабой нервной клетке», возможно, в силу свойств своего характера всегда сторонился начальства, избегал руководящих постов. Когда же его самого, как врача по образованию, назначили главным врачом госпиталя (под Свердловском), где работали психологи над восстановлением движений рук после ранения, он скрывался в лесу во время наездов различных проверяющих комиссий. За него отдувались сотрудники, впрочем, не очень на него обижаясь. Они ведь были психологами и достаточно хорошо его знали и любили.

После войны П. Я. Гальперин всю дальнейшую жизнь работал в МГУ. Он последним из всей блестящей плеяды школы Л. С. Выготского стал доктором наук и профессором. Его долго уговаривали, стыдили, корили друзья и ученики. Но они не могли избавить Петра Яковлевича от унижительной для его возраста процедуры защиты. Правда, после защиты (не на ней) он был доволен. П. Я. Гальперин никогда не пытался претендовать на членство в Академии педагогических наук, здесь уговоры не помогали. Но все же ему еще раз пришлось занять руководящую должность. По настоянию декана А. Н. Леонтьева он возглавил кафедру детской психологии. А. В. Запорожец, детский психолог милостью Божьей, очень сме-

ялся по этому поводу, говоря, что только у нас возможно, чтобы человек, убежденный в том, что детской психологии не существует, стал заведующим кафедрой детской психологии.

Несколько слов о Петре Яковлевиче как о педагоге. Мое поколение студентов (1948–1953) было счастливым. Тогда по имени читающего курс общей психологии назывались чередующиеся поколения А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна (потом А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия). Мы были леонтьевским, а по существу, леонтьевско-гальперинским поколением. А. Н. Леонтьев два года читал курс общей психологии. И два года П. Я. Гальперин вел за ним семинары. Это было про то же, но совершенно иначе. Не помню, был ли Петр Яковлевич на всех лекциях А. Н. Леонтьева, на некоторых бывал. Иногда мы думали, что профессору Леонтьеву не мешало бы посетить некоторые семинары доцента Гальперина. Как теперь принято говорить, плюрализм и диалог нам были обеспечены. Мы видели, что они по-разному относятся к некоторым проблемам. Какие-то Петр Яковлевич углублял, какие-то решал, против некоторых предупреждал, говоря, что семи пядей во лбу не хватит для их решения. От него мы слышали вполне объективные оценки так называемой буржуазной психологии. Он вполне доброжелательно рассказывал о психоанализе, о З. Фрейде и К. Юнге, как психоневролог по образованию, анализировал свои сновидения, архетипы национального сознания, в том числе и своего отца — правоверного еврея (не надо забывать, что это был конец 1940-х годов), часто обращался к психопатологии обыденной жизни. Вспоминается его замечательное определение действия алкоголя на человека, которое состоит в послышном снятии нравственных норм. Уверен, что многие из нас кое-что заимствовали из стиля его преподавания и общения.

Потом П. Я. Гальперин читал нам годовой курс истории психологии. Готовясь к нему, он прослушал такой же курс у Б. М. Теплова и не скрывал от нас, что многому у него научился. Нам он преподносил историю психологии как драму идей и драму людей. Нельзя забыть и спецкурс «Марксизм и вопросы языкознания», который его вынудили читать, а нас — слушать после известного сталинского «труда» на эту тему. В этом курсе он ходил по лезвию бритвы. Он, разумеется, не позволял себе выпадов против «корифея», но и воздерживался от демагогии, от идеологических шаблонов, перевел спецкурс в спокойное русло проблемы мышления и языка.

К сожалению, П. Я. Гальперин никогда не читал курс общей психологии психологам. Зато он не одно десятилетие читал этот курс философам, многие поколения которых вспоминают о нем с благодарностью и любовью.

* * *

Вклад в психологию Петра Яковлевича Гальперина разнообразен и многопланов. Для психологов многих поколений — это прежде всего личностный вклад в качестве учителя, собеседника, советчика. Он делился с нами своим живым знанием. Его дисциплинированный, строгий ум был окутан душевной, часто ироничной аурой. Она распространялась не только на содержание знаний, излагавшихся им, но и на слушателей, собеседников, на самого себя. Иногда внешняя форма бывала обманчивой, внутри нее оказывались достаточно жесткие оценки. С ним нужно было быть внимательным и осторожным, вслушиваться не только в текст, но и в подтекст. Внешне это могло звучать вполне безобидно и даже мило, например: «Когда-то в простоте душевной К. Н. Корнилов говорил, что психическая деятельность есть отражение мозговой деятельности». Что же она есть на самом деле? Вот главный вопрос (но, не ответ!) данной статьи.

П. Я. Гальперин был не только Учителем, но и Ученым. Эти две ипостаси отличались одна от другой. Различия можно выразить его же словами. Изучая роль установки в мышлении¹ (1940), он предложил различать две формы, в которых существует опыт: как знания о чем-то и как позиция, с которой мы рассматриваем окружающее. Обе формы опыта у П. Я. Гальперина не только не совпадали, что часто бывает, но порой его обширные знания учителя, лектора противоречили его позиции исследователя, экспериментатора, о чем будет сказано ниже.

О тесной связи и участии П. Я. Гальперина в развитии идей Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, о сотрудничестве и дружбе с Л. И. Божович, А. В. Запорожцем, П. И. Зинченко, Д. Б. Элькониным, которые, как и П. Я. Гальперин, создали свои научные школы, приходится напоминать снова и снова. Причина состоит в том, что в предисловиях к посмертным изданиям его трудов и лекций, написанных А. И. Подольским, П. Я. Гальперин предстает как гений-одиночка. Видимо, случайно в одном из них мелькнуло имя Л. С. Выготского, а в другом — А. Н. Леонтьева. Это противоречит духу и букве публикуемых за предисловиями сочинений самого П. Я. Гальперина. Автор интересной книги: «Петр Гальперин: Психолог, идущий по стопам Выготского»², Ж. Ханен пишет, что Гальперин не совсем командный игрок, что, конечно, справедливо. Но научная школа — не футбольная команда. Каждый участник шко-

¹ Гальперин П. Я. Об установке в мышлении // Труды республиканской конференции по педагогике и психологии. Киев, 1940 (на укр. яз).

² Haenen J. Piotr Galperin: Psychologist in Vygotsky's Footsteps. Commack, N.Y.: Nova Science Publ., 1995.

лы делает то, что школе действительно нужно, а не то, чего хотят ее лидер или коллеги.

Вместе с тем, вне контекста культурно-исторической психологии, психологической теории деятельности (в вариантах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна), вне контекста исследований других участников этих научных школ, наконец, вне контекста мировой психологической науки вклад П. Я. Гальперина в психологию невозможно адекватно понять и оценить. Справедливо и то, что без его исследований, как, впрочем, и других участников этого научного сообщества, психологическая теория деятельности была бы другой. Да и сам П. Я. Гальперин признавал, что он принадлежал и принадлежит к числу тех, кто принимал активное участие в разработке взглядов этого направления. Признавал и то, что критика этих взглядов есть критика и его собственных взглядов того периода³.

Разумеется, влияние работавших вместе ученых было взаимным и прослеживание такого взаимовлияния, кстати, не всегда документированного соответствующими ссылками, представляет собой интересную задачу для историков психологии. Например, можно с уверенностью сказать, что первая работа П. Я. Гальперина: «Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств животных и его значение»⁴ (1935/1998) оказала сильное влияние на работы А. Н. Леонтьева, посвященные проблематике возникновения и развития психики и сознания, на работы А. В. Запорожца, посвященные развитию мышления у детей.

Упомянутую работу, составившую кандидатскую диссертацию П. Я. Гальперина, смело можно назвать пролегоменами к психологической теории деятельности и пробой сил в ее экспериментальном обосновании. Именно в ней убедительно показано рождение мышления из практического действия и его задач, показана логика, позднее афористически названная А. Валлоном: «От действия к мысли». Гальперин пишет: «На ранних ступенях овладения готовым орудием мышление отстает от практической деятельности по формальному составу своих операций. Как теоретическая деятельность, мышление сегодня воспроизводит в идее вчерашний день практической деятельности»⁵. Этот, лишь на первый взгляд, пессимистический вывод компенсируется общим заключением к работе в целом: «Пределы разума как общей “способности” непрерывно расширяются, в перспективе бу-

³ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. С. 257.

⁴ Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998.

⁵ Гальперин П. Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 73.

душего они отодвигаются в неопределенную даль»⁶. Если воспользоваться оборотом Гальперина, можно добавить: практическая деятельность сегодня воспроизводит в идее вчерашний день мышления.

П. Я. Гальперин не только начал рассмотрение мышления как особой формы деятельности индивида, но и призвал к такому же анализу восприятия: «...само восприятие вопиет о том, чтобы быть понято как своеобразная деятельность»⁷. Этому призыву последовал А. В. Запорожец, который ввел понятие «сенсорное действие» и автор этих строк, который ввел понятие «перцептивное действие».

Исследования орудийной деятельности ребенка, изложенные в этой работе, сыграли большую роль в практической деятельности, которую во время Великой Отечественной войны вели психологи по восстановлению движений после ранения. В ней майор медицинской службы П. Я. Гальперин принимал непосредственное участие. Ему (вместе с Т. О. Гиневской) принадлежит замечательный результат: установление различий между анатомическими возможностями органа (разумеется, не только поврежденного) и его практическим функционированием. Было показано, что не только эффективность, но и сам процесс реализации существенно зависят от *психологического строя задания*. Например, подними руку на максимальную высоту или достань предмет. В маленькой статье, где изложены полученные результаты, появились понятия предметного и предметноцелевого действия, изложено выполненное тогда же пробное игротерапевтическое исследование⁸.

Поставлю и оставлю без обсуждения вопрос, почему первая без преувеличения краеугольная для теории деятельности работа, ожидала публикации более шестидесяти лет? Она была известна очень узкому кругу. Ссылки на нее встречались лишь у А. В. Запорожца. Самое поразительное, что мне не удалось найти ссылок на эту раннюю работу у самого П. Я. Гальперина, хотя упоминание исследований навыка (действия) и мышления в контексте его поздних работ были бы более чем уместны. Одно из объяснений такого умолчания может состоять в том, что его ранние работы были выполнены не «по правилам», т. е. вне строгих требований генетико-формирующего метода, когда исследование предметного действия выполнялось с установкой, «что получится», а не с конца, не с перечисления его требуемых свойств. Между тем в этих исследованиях были получены замечательные результаты: овладение

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Гальперин П. Я., Гиневская Т. О. Зависимость объема движений от психологического характера задачи // Ученые записки МГУ. 1947. Вып. 111.

орудием, которое П. Я. Гальперин наблюдал у детей, есть освоение логики орудия и построение ребенком нового органа, который А. А. Ухтомский и Н. А. Бернштейн называли функциональным. Потом подобные органы, включая самые экзотические, строили А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, М. И. Лисина. То же можно сказать о реабилитации движений поврежденного органа. В процессе реабилитации происходило либо восстановление прежнего функционального органа, либо построение нового.

Упомяну еще одну раннюю работу П. Я. Гальперина⁹, посвященную анализу смысловой схемы поведения, лежащей в основе высшей нервной деятельности. Под смыслом он понимал субъективное значение вещей и производимых по отношению к ним действий, отличное от их объективного, предметного значения. Это был первый шаг на пути к пониманию смысла как отношения мотива к цели (А. Н. Леонтьев).

Я далек от мысли устанавливать приоритет во введении тех или иных понятий или объяснительных схем, из которых складывалась психологическая теория деятельности. Приводя ранние работы П. Я. Гальперина, я хотел показать, что основной концептуальный каркас теории присутствовал в них с самого начала. Ему не было свойственно распространенное среди ученых стремление начинать науку с себя. Он многим поколениям психологов Московского университета читал курс «История психологии» и учил нас исторической культуре, т. е. преемственности и форме.

Культурно-историческая психология, психологическая теория деятельности, равно как и теория поэтапного формирования умственных действий и понятий П. Я. Гальперина не являются завершенными. Внутри каждой из них и между ними имеются живые противоречия и точки роста, что сохраняет их актуальность и поддерживает интерес к ним. М. Коул даже назвал культурно-историческую психологию наукой будущего. А. Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал незавершенность своей теории. В конце жизни его меньше заботила форма, которую в будущем обретет теория, а больше то, чтобы она вообще существовала. Это, между прочим, вполне трезвый взгляд на собственные достижения. И пока психологическая теория деятельности жива, хотя критики в ее адрес было достаточно. Думаю, что и П. Я. Гальперин видел будущее своей теории в развитии и не считал ее Системой Психологии. Подобные амбиции были ему не

⁹ Гальперин П. Я. Смысловая схема поведения, лежащая в основе высшей нервной деятельности // Психология: Сборник, посвященный 35-летию научной деятельности Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, 1945.

свойственны. Он знал судьбу многих Систем Психологии, был мудр и обладал чувством юмора. Он тонко чувствовал драму науки и ученых, в том числе и на своем собственном опыте, и понимал, что все наши теории (не говоря о системах) нужны лишь до тех пор, пока их не сменят другие, лучшие теории. П. Я. Гальперин обладал острым критическим умом, который обращался как в чужой, так и в свой собственный адрес. Поэтапное формирование разных действий он характеризовал как довольно сложную систему, но при этом оговаривал, что «когда нам удастся наметить ее хотя бы в общих чертах, мы начинаем понимать, какие многочисленные и разнообразные отклонения возможны от этого оптимального пути»¹⁰.

П. Я. Гальперина как исследователя характеризовало счастливое качество — способность к самоограничению, — являющееся залогом успеха научной деятельности большого ученого, например, И. П. Павлова. И такое самоограничение было вполне сознательным. Подобное самоограничение он распространял как на себя, так и на психологию в целом. Приведу слова П. Я. Гальперина: «Итак, в качестве общего заключения нужно сказать, что психология изучает вовсе не всю психику, не все ее “стороны”, но вместе с тем и не только психику; психология изучает и поведение, но и в нем — не все его “стороны”. Психология изучает деятельность субъекта по решению задач ориентировки в ситуациях на основе их психического отражения. Не “явления сознания” служат ее предметом, но процесс активной ориентировки, в частности, с использованием того, что называется “явлениями сознания”. <...> Процесс ориентировки субъекта в ситуации, которая открывается в психическом отражении, формирование, структура и динамика этой ориентировочной деятельности, определяющие ее качество и возможности, — вот что составляет предмет психологии»¹¹. Ключевые слова «отражение» и «ориентировка». Позиция выражена предельно ясно и ей предшествуют пояснения, как в душевных проявлениях воли, чувства, мышления выделять их ориентирующие функции, стороны, аспекты. Там же со всей категоричностью заявлено: «Предмет психологии должен быть решительно ограничен. Психология не может и не должна изучать всю психическую деятельность и все стороны каждой из ее форм»¹². Деятельность — да, но только ориентировочная. Через ориентировку вводится даже субъект деятельности. На службу ориентировке поставлены и образ, и знаки, и слово, и,

¹⁰ Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 287.

¹¹ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. С. 150.

¹² Там же. С. 142.

в конце концов, даже действие. Автор, несомненно, имеет право на такое понимание и прежде всего на самоограничение. Тем более, что он продолжает: «Другие науки не меньше психологии имеют право на их изучение». Значит, и психология или другие психологи имеют такое же право. И, слава Богу, многие психологи им пользуются, не ограничивая понимание психики лишь ориентировочными функциями и не отрицая их, что было бы нелепо. Но не менее странно отрицать другие функции психики и сознания, например то, что последние являются источником произвольного, свободного, а не только ситуативного действия, в пределе — источником свободы воли. Конечно, свобода воли — предмет философии, но и психология вносит в решение этой вечной проблемы посильный вклад. П. Я. Гальперин совершенно справедливо заключает, что эмоции выполняют ориентирующие функции, но не лишне прислушаться к А. В. Запорожцу, который рассматривал эмоции как средство решения жизненных задач, а не только ориентировки в ситуации. И как ядро личности!

Чтобы быть правильно понятым сразу скажу, что ориентировка или ориентировочная деятельность, действительно, представляет собой важнейший предмет психологии. Но один из предметов... Выдвижению ориентировки в качестве главного или единственного предмета сопутствовали (или способствовали) внутренние и внешние обстоятельства. Начнем с первых. В упомянутой выше работе П. Я. Гальперина 1935 года, посвященной генезису орудийной деятельности, рассматривается природа избирательности человеческого познания: «Очевидно, перед сознанием субъекта выделяются лишь те особенности окружающего мира, которые являются прямым объектом его воздействия. Так, например, сложный химический состав мяса, плодов, злаков и корней является основой их пригодности в качестве пищи; но перед сознанием дикаря-охотника выступает не этот химический состав, а только свойства животных и растений, на которые он ориентируется в охоте или собирании. От характера практической деятельности зависит, следовательно, то, какого рода и в каком разрезе выступают перед сознанием наличные связи окружающей среды»¹³. И далее автор добавляет: не только наличные связи, но и те, которые лишь возможны и еще не существуют. И те и другие зависят от того, какова деятельность субъекта, устанавливающая их.

В приведенном отрывке, как и во всей работе в целом, отчетливо виден весомый вклад в то, что потом будет называться деятельност-

ным подходом или психологической теорией деятельности. Виден и ход мысли, использованный затем А. Н. Леонтьевым при формулировании гипотезы о происхождении психики: переход от ориентации с биологически значимых на биологически нейтральные (сигнальные) признаки объектов. Наконец, видно и то, что проблема ориентировки и ориентировочной функции психики сопровождала его на протяжении всей научной жизни. Обращению на нее более пристального внимания способствовало и немаловажное, чтобы не сказать трагическое, для психологии внешнее обстоятельство, ставшее потом для П. Я. Гальперина (и не только для него) внутренним.

Сегодня уже забыта мотивация обращения или, точнее возвращения П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, П. И. Зинченко, А. Н. Леонтьева, Е. Н. Соколова и др. к ориентировке. Это случилось после Павловской сессии АН СССР и АМН СССР (1950), когда психологам было приказано следовать павловскому учению о высшей нервной деятельности. Психологи, сориентировавшись, нашли в концептуальном аппарате И. П. Павлова понятия «ориентировочный рефлекс», «ориентировочно-исследовательская деятельность», «рефлекс, что такое?», которые им были хорошо известны и до сессии под этими и другими именами: любопытство, исследовательское поведение, пробы и ошибки, та же ориентировка и т. п. Отдельное спасибо следует сказать великому ученому И. П. Павлову и за понятие «деятельность»: деятельность все же не «отправление» и даже не «поведение», поэтому понятие «ориентировочно-исследовательская деятельность» не так коржило психологический контекст, как понятие «нервная деятельность» и последующие вариации: психонервная, нервно-психическая деятельность и т. п.

Конечно, перелицовка психологической проблематики и терминологии на физиологический лад не украшала психологию и психологов, но нарушать правила игры в «идеологическом общезнании» было не принято. Можно было лишиться не только работы, но и свободы. За примерами далеко ходить было не нужно. Иногда подобная перелицовка была только внешней. Например, П. И. Зинченко заменял термины «мнемическая и познавательная установка» на термины «мнемическая и познавательная ориентировка». Подобные терминологические ухищрения встречались довольно часто: навыв — динамический стереотип, внимание — ориентировка и т. п.

Вместе с тем, в соответствии с известным уже в то время правилом, сформулированным в психологической теории деятельности: «сдвиг мотива на цель», целый ряд исследователей и в их числе П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, А. Р. Лурия, Е. Н. Соколов, их ученики и сотрудники изучали ориентировочно-исследовательские движения руки

¹³ Гальперин П. Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 88–89.

и глаза, их роль в формировании навыков, произвольных движений и действий, образов, в решении задач опознания, в решении мыслительных задач и т. д. и т. п. Это типичная тематика многих исследований того времени. Решались и, так сказать, противоположные задачи: ориентировочные движения, в свою очередь, выводились из неудачных исполнительных и опознавательных действий. Все эти исследования давали приращение научного знания. Но еще в 1960 году можно было встретить такого «концептуально-ориентировочного монстра»: «Психолог (а не вся психология — В. З.), опираясь на физиологические данные, изучает ориентировку как деятельность, направленную на обследование окружающего и на его отображение в голове субъекта, процесс превращения этой деятельности из внешней во внутреннюю, собственно психическую деятельность и ее роль в регуляции поведения человека. В качестве своеобразных форм ориентировочной деятельности *должны* (курсив мой — В. З.) рассматриваться не только познавательные, а также волевые процессы»¹⁴. Страшно подумать, сколько времени потратил умнейший и интеллигентнейший человек на изготовление этого странного коктейля из физиологической, философской и психологической терминологии.

Затем постепенно менялась терминология: возвращались к давнему термину сенсорное действие, стали использовать термины перцептивное, опознавательное, мнемическое, умственное действие и т. п. Иногда даже возвращались к термину «психическое действие», употреблявшемуся П. И. Зинченко в 1939 году. Наряду с понятиями «ориентирующий образ», появились понятия «оперативный образ», «образ-манипулятор», «образ-регулятор», «когнитивный образ», что свидетельствовало не столько о неудачности понятия «ориентировка», сколько о его бедности, выступавшей на фоне дифференциации исследований и, соответственно, функций ориентировки. В работах П. Я. Гальперина легко можно найти ссылки на эти исследования.

Что же заставляло П. Я. Гальперина и далее настойчиво сохранять понятие «ориентировка» и выдавать ее за предмет психологии? Более того, что заставляло его выделять собственно психологическое содержание из такого «многостороннего» объекта, как *психическая* деятельность?¹⁵ Ведь введение последнего термина уже само по себе ограничивало понимание предмета психологии.

Чтобы ответить на эти вопросы вернемся к введенному П. Я. Гальпериним различению двух форм опыта — знание и позиция. Суровое

ограничение предмета психологии он делал с позиции исследователя, стремившегося развивать психологию как подлинно объективную науку. На первых порах таким объективным, рождающим, например, мышление, для него была практическая деятельность. Был период, когда П. Я. Гальперин идентифицировал психическую и ориентировочную деятельность: «Сама психическая деятельность (не то, чем она является в самонаблюдении, а то, что она есть на самом деле) по самой общей и основной жизненной функции есть не что иное, как ориентировочная деятельность. У активных живых существ эта деятельность становится ведущей, потому что самое важное и трудное в поведении — это правильно ориентироваться в обстоятельствах, требующих действия, и далее правильно ориентировать свои действия»¹⁶. Но подобная идентификация казалась ему недостаточной, и он ставил задачу *выделения* из психической деятельности собственно психологического содержания, что разумно. А затем вновь отождествлял их.

У него возникли серьезные претензии к сложившемуся концептуальному аппарату психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Высоко оценивая первоначальную формулу А. Н. Леонтьева: психика живет в деятельности, она есть какой-то аппарат деятельности, П. Я. Гальперин все же сетовал, что мы не сумели тогда понять это до конца и поэтому все исследования реально обернулись таким образом, что внешняя деятельность выступала как условие эффективности или неэффективности психической деятельности, которая оставалась внутри. Иначе говоря, она оставалась, в лучшем случае фактором, или прежней совокупностью явлений и переживаний сознания. «“Явления” суть “явления” и “только явления”, нам нужны не “явления” психической деятельности, а сама психическая деятельность и такая деятельность, которая что-то делает, а не только “переживается”»¹⁷. П. Я. Гальперина не удовлетворяло и прибавление к деятельности эпитета «осмысленная»: «“осмысленная деятельность” означала “деятельность вместе с психикой” и требовала изучать поведение не только с физической стороны, но именно со стороны психики, “сознания”, а самой психики не только как “явлений сознания”, но именно по участию в деятельности»¹⁸. Но при всем при том печально констатирует П. Я. Гальперин: «Внешнее оставалось внешним, а внутреннее — внутренним». И еще более печальное заключение о следствиях дихотомии внешнего и внутренне-

¹⁶ Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 268–269.

¹⁷ Там же. С. 265.

¹⁸ Там же. С. 251.

¹⁴ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 87.

¹⁵ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. С. 64.

го (от которой и ему не удалось уйти): «Но процессуальное содержание предметной деятельности оставалось за пределами психологии, а содержание самой психической деятельности — за пределами предметной содержательности»¹⁹. П. Я. Гальперин справедливо полагал, что для «психологизации» объективной внешней деятельности леонтьевского включения в нее мотивации недостаточно, нужно переходить к следующему шагу. И этот следующий шаг заключается в том, что надо саму психическую деятельность понять как предметную деятельность. Но предметная, какой бы она ни была — внешне-предметной или идеально-предметной, — не только предметна. Она такая же, как и всякая деятельность, т. е. в ней есть операционная сторона, в ней же есть и мотивационная сторона. И это входит в ее структуру, которая подлежит расшифровке. Конечно, исследование операционной стороны психической деятельности и сегодня остается задачей будущего, и в этом критика П. Я. Гальперина в адрес теории деятельности вполне справедлива. Правда, сам он не захотел заметить, что этот его вызов уже приняла когнитивная психология, создающая зонды для прощупывания структур внутреннего. А он не уставал думать о функциональном своеобразии психической деятельности, о ее направленности. И действительно, введение понятия психической деятельности, обладающей модусом предметности и совершающейся к тому же во внешней и в идеальной формах, ставило перед ним трудно разрешимую задачу. Как отличить психическую деятельность от не-психической, но тоже предметной?

На проклятый вопрос, что же такое психическая деятельность, что она делает сама, помимо «переживаний», Гальперин отвечает: ориентирует. И на этом основании он выделяет из психической деятельности ориентировочную и *назначает* ее предметом психологии. И все же опыт П. Я. Гальперина, рассматриваемый как знание, не позволил ему оставить в стороне душевную жизнь и душевную деятельность как таковые. Он одобрительно относится к тому, что учение о внешней «осмысленной деятельности» — не только сфере приложения, но также источнике и питательной среде душевной жизни, — было полнейшим прогрессивным шагом²⁰. Но, не последним шагом!

Как человек, как учитель он понимал, что психическая деятельность, душевная жизнь и душевная деятельность шире ориентировки. Он ценил жизнь в духе. Но путь к их изучению, — говорит ученый, — представляет собой рассмотрение *всех ее форм* «как разных форм ориентировки субъекта в различных жизнен-

¹⁹ Там же. С. 257.

²⁰ Там же. С. 259.

ных ситуациях»²¹. Даже в приведенных отрывках видны колебания П. Я. Гальперина: он то щедрее, то скупее. Психическая жизнь то шире ориентировки, то совпадает с ней. Конечно, взгляд на психику, как на эпифеномен представляет собой анахронизм, но и сведение ее лишь к служебным функциям ориентировки можно рассматривать как утилитаризм, что едва ли много лучше эпифеноменализма. Мотивация подобного сведения выражается П. Я. Гальпериним вполне отчетливо. Психика — это то, что может быть доступно строгому исследованию. Остальное — от лукавого. Такая позиция выбрана вполне сознательно, при полном понимании того, что психика, мышление, сознание есть чудо и остаются таковыми до тех пор, пока мы не узнаем, как они сформировались. А узнать можно, лишь проследив путь их формирования, а еще лучше, — проконтролировав его. И здесь П. Я. Гальперин попадает в ловушку, которую он сам же, повторяю, вполне сознательно для себя приготовил: «структура ориентировочной деятельности не открывается ни внутреннему, ни внешнему наблюдению. Это не “явление”, а “сущность”. Именно структура ориентировочной части всякого действия составляет его психологические “механизмы”, психологические механизмы поведения. Эти механизмы нужно изучить, установить, построить! Структура ориентировочной деятельности — ее формирование, развитие и характерные особенности на каждом этапе развития функций в каждом периоде жизни субъекта — составляет подлинный предмет психологии»²². И чтобы исключить всякие недоразумения в вопросе о ненаблюдаемости структуры ориентировочной деятельности, в следующем абзаце автор пишет: «О путях исследования этой структуры можно сделать прежде всего одно отрицательное заключение: при современных методах исследования анализ сложившихся форм ориентировочной деятельности невозможен <...> ее изучение в “готовом” виде невозможно потому, что в процессе формирования происходят систематические изменения ее форм, состава и строения»²³. Казалось бы, уступка, автор смягчился и есть надежда на будущее совершенствование методов исследования. Однако в другой работе мы встречаем драматическое описание ориентировки в уже сложившемся процессе мышления: «Таким образом, и в плане восприятия, и в умственном плане предметное содержание действия уже

²¹ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. С. 138–139.

²² Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 269.

²³ Там же. С. 270.

не выполняется, а только “имеется в виду” за пределами того, что фактически делается. А это фактическое действие везде представлено движением “точки внимания” (во внешнем или во внутреннем плане), движением, которое идет напрямик от исходной точки к заключительной, вопреки объективным отношениям задачи, как бы демонстрируя этим свое отличие от предметного действия и свое пренебрежение к его объективной логике, к его трудностям. Внимание выступает как “чистая” активность духа, “чистая” направленность на свои объекты — как психическая деятельность во всем ее отличии от деятельности предметной. И никакая аппаратура не может открыть в нем чего-нибудь большего»²⁴.

К этому заключению можно относиться по-разному: как к крайнему скептицизму и как к интересной гипотезе. В свое время я предпочел второе и вместе с Н. Ю. Вергилесом мы наблюдали такое внимание, изучая викарные движения глаз при решении задач, предъявляемых на изображении, стабилизированном относительно сетчатки²⁵.

Так или иначе, но в приведенном отрывке мы встречаемся с предельной честностью исследователя, который гарантирует получение достоверных данных об ориентировочной деятельности лишь на внешнем — материальном и громко-речевом этапах, которые поддаются контролю на всем их протяжении. А во «внешней речи про себя» контроль возможен только по результату каждой операции. «Дальнейшее — молчание...», или выдвигание гипотезы о том, что действие становится «чисто психическим», внутренним, идеальным, что ориентировка осуществляется в образном плане или в поле образа. При конструировании гипотез позиция исследователя смягчается. Часто она уступает место опыту — знанию.

Проиллюстрирую это на примере проблематики образа, которая никогда не выступала для П. Я. Гальперина предметом экспериментального изучения. Но он не был бы большим психологом, если бы он ее обошел вовсе. Оставим в стороне плохое слово «отражение», которое часто мелькает в его работах («И зеркало корчит всезнайку», — сказал О. Мандельштам). Будем говорить только об образе, притом не вообще, а в контексте исследований мышления и формирования умственных действий.

П. Я. Гальперин пишет, что содержание предметного процесса «бесспорно входит в содержание мышления, и самое мышление есть

²⁴ Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 292.

²⁵ Зинченко В. П. Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.

построение знания об этом процессе, построение образа его предметного содержания. <...> В мышлении предметный процесс не просто повторяется, а выступает как образ и притом в определенной функции — служить отображением оригинального процесса и ориентировать в нем. <...> В мышлении дело идет об ориентировке в вещах на основе образа этих вещей, а не о самих вещах или самом их образе»²⁶. Как минимум, мы можем сказать, что образ выступает в качестве важнейшего средства, орудия мышления. Орудия, участвующего как на начальной фазе его развертывания, так и в качестве его итога, результата. П. Я. Гальперин утверждал, что «отдельная мысль — как явление психологическое — представляет собой не что иное, как предметное действие, перенесенное во внутренний, умственный план, а затем ушедшее во внутреннюю речь»²⁷. Вместе с тем, для него «ближайший вопрос заключается в том, как же образ предметного содержания действия участвует в его исполнении, для чего образ нужен действию?»²⁸. Ко времени постановки этого вопроса и даже раньше на него был дан ответ его другом, коллегой по научной школе и соседом по коммунальной квартире А. В. Запорожцем. (Они не портили своей дружбы научными дискуссиями и коммунальными ссорами.) К тому, что было сделано А. В. Запорожцем (1960) и не замечено П. Я. Гальпериним, можно добавить лишь некоторые любопытные, порой наивные детали. Гальперин пишет: «Когда образ появился, он уже выполнил свою роль, выполнил тем, что открыл субъекту поле совершаемого или возможного действия. Дальше действует не образ, а субъект, образ нужен не действию, а субъекту»²⁹. Образ и после своего появления выполняет роль регулятора действия и совершает эту работу не только до начала действия, но и по ходу его осуществления (оставим в стороне чреватые ошибками автоматизмы). Что касается принадлежности образа субъекту, а не действию, то ведь последнему принадлежит и само действие не в меньшей степени, чем образ. Кстати, субъект в такой же мере корректирует действие, в какой он корректирует образ. И в такой же мере корректирует образ, в какой он корректирует действие. Здесь мы имеем дело не с рефлексом, а с бернштейновским рефлекторным кольцом, в котором вообще невозможно определить, где начало, а где конец, и что чему (кому) принадлежит. Сегодня мы можем сказать, что это кольцо не рефлекторное, а рефлексивное.

²⁶ Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 280–281.

²⁷ Там же. С. 272.

²⁸ Там же. С. 267.

²⁹ Там же.

Понятие «образ» П. Я. Гальперин использовал не только для характеристики процесса мышления, но и для характеристики (определения!) мысли. Выше шла речь о том, что предметное действие является только возможной мыслью, хотя и может быть единицей мысли. Встречаются и более категорические высказывания: «мысль о действии есть нечто совершенно отличное от самого действия»³⁰. Замечу, что и мысль о мысли есть нечто совершенно отличное от исходной мысли. Гальперин рассматривает два значения слова «мысль». «В качестве процесса она представляет собой сокращенное и автоматизированное действие, о подлинном содержании которого, мы, как правило, уже ничего не знаем и работа которого сигнализируется только неким нерасчлененным “чувством”; рассказать о нем — значит расчленить его, т. е. разрушить и его и его функцию, чему оно стихийно, но решительно сопротивляется»³¹. Второе значение слова «мысль — идея, ключевой образ, внезапно открывающийся и освещающий запутанное положение»³². И далее: «Когда мысль выступает как новый образ (предмета или ситуации), несущий решение задачи, она есть целое, изображение которого составляет проблему, проблему такого изложения, которое передавало бы всю остроту его “видения”, что и вызывает муки творчества»³³.

Здесь я должен повторить неоднократно высказывавшееся мною недоумение. Я спрашивал П. Я. Гальперина: если образные явления столь существенны для понимания мышления, его генеза и функционирования, то почему среди этапов формирования умственных действий отсутствуют этапы формирования образа ситуации, формирования образа действий, которые должны быть в ситуации выполнены, наконец, этапы оперирования, манипулирования образом, посредством которых мысленный образ ситуации приводится к виду, пригодному для решения проблем и принятия решений. На эти вопросы я неизменно получал один и тот же ответ: «Володя, не толкай меня на этот дырявый феноменологический мост. Образ — это слишком тонкая материя, в которой сложно разобраться».

Как я старался показать выше, П. Я. Гальперин неплохо разобрался в этой тонкой материи, но в качестве проницательного теоретика, а не экспериментатора. Думаю, что его размышления об образе латентно присутствуют и в его экспериментатике и могут быть эксплицированы посредством анализа «учебных карт», свое-

³⁰ Там же. С. 292.

³¹ Там же. С. 297.

³² Там же. С. 293.

³³ Там же. С. 297–298.

го рода информационных моделей, предъявлявшихся испытуемым или учащимся.

С проблематикой образа тесно связана проблематика «преобразования предметного действия в мысль, предметного явления в явление психологическое»³⁴. Примем, что предметное действие, действительно, не относится к психологическим явлениям, что в высшей степени сомнительно. Остановимся на слове «преобразование». П. Я. Гальперина, видимо, не устраивало довольно странное положение А. Н. Леонтьева о принципиальной общности строения внешней и внутренней деятельности. Если его принять, то интериоризация есть не что иное, как похороны внешней предметной деятельности. Интерпретируя раннюю работу А. Н. Леонтьева о развитии памяти и внимания (1931), Гальперин говорил, что там был установлен закон *роста* извне внутрь. Правда, А. Н. Леонтьев позднее сам высказывал аналогичное положение: в процессе интериоризации внутренний план впервые рождается. Редко обращается внимание на то, что утверждение весьма противоречиво. Если они имеют общее строение, то во внешней предметной деятельности уже присутствует внутренний план. Действительно, в структуре деятельности, предложенной А. Н. Леонтьевым, имеются мотивы, цели и смыслы, понимаемые как отношение первых ко вторым. Без них невозможна никакая деятельность, ни внешняя, ни внутренняя. Но тогда, как быть с положением об интериоризации, в которой внутренний план *впервые* рождается? К тому же, А. Н. Леонтьев не предпринял попыток проследить судьбу этого новорожденного, ограничившись утверждением, что за внутренней деятельностью стоит грандиозная работа мозга. Замечу, что и за внешней деятельностью она не менее грандиозна. П. Я. Гальперин до А. Н. Леонтьева утверждал, что процесс интериоризации это и есть процесс образования идеального, внутреннего плана. Л. С. Выготский уподоблял принцип развития принципу метаморфоз и ограничился метафорой: гусеница, куколка, бабочка. Но при этом он подчеркивал и принципиальность различий между внешним действием и мыслью.

П. Я. Гальперина не удовлетворяли и те преобразования предметного действия, которые наблюдались в его исследованиях: материальный план, громкая речь, внешняя речь про себя. По мнению П. Я. Гальперина на этих этапах действие все еще оставалось предметным или логическим, но не психологическим образованием. Его волновала проблема, так сказать, языка внутренних идеальных действий, а, говоря его словами, ненаблюдаемая структура сложившейся ориентировочной деятельности. И он постоянно искал «кандидатов»

³⁴ Там же. С. 289.

на роль такого языка внутреннего, идеального, психического. Одним из них, хотя и не очень надежным, он называл действие «по представлению». Выше много говорилось о действии «на основе образа». И все же первой формой действия в уме, согласно П. Я. Гальперину, является речь, только без ее громкости, т. е. «внешняя речь про себя». Дальнейшие изменения действия состоят в том, что из него выделяется его обобщенный, постоянный состав, который тоже представлен словами-носителями предметных значений. Затем последние начинают осознаваться во внутреннем плане раньше звуковых образов, что делает произнесение слов излишним. Остаются речевые значения, за которыми самонаблюдение не обнаруживает ни чувственных образов предметов, ни звуковых образов речи, ни ее кинестезии. Иначе говоря, в результате превращений и автоматизации «внешней речи про себя» предметное действие в уме превращается в мысль об этом действии, в «чистую мысль» о решении задачи, которую это действие составляет³⁵. Но на этом поиск П. Я. Гальперина не кончается. Контроль за действием начинает ограничиваться «чувством» согласования или рассогласования с его программой; сокращенная часть действия, не участвуя в его исполнении, продолжает участвовать в его «понимании». Он завершает свой анализ образом ступенчатой пирамиды, на каждом ярусе которой действие получает существенно новую форму: материальную или материализованную, громко-речевую, в звуковых образах речи и, наконец, «без-образную»

В завершающей форме, во «внутренней речи» от действия сохраняется только своеобразное переживание — «сознавание» объективного содержания процесса, его направления и благополучного или неблагоприятного движения — переживание, которому нельзя дать более точное описание, а тем более определение³⁶. Это описание взято из относительно более ранней работы Гальперина. К пирамиде, которую он описал, следует добавить слой образов из его более поздних работ и слой схем, вырабатываемых самим индивидом, который, им лишь упоминается без подробной расшифровки.

Интерпретируя или оценивая идею пирамиды, следует сказать, что она весьма продуктивна. К ней могут быть добавлены слои глубинных семантических структур, которые пытаются «прощупать» лингвисты и психологи: невербализованные моторные программы речи, нереализованные программы предметного, перцептивного, мнемического и, собственно, умственного действий. Все они могут стоять за мыслью и представлять собой «эмбрион словесности» (Г. Г. Шпет).

³⁵ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. С. 245–248.

³⁶ Там же. С. 249–250.

М. К. Мамардашвили предложил замечательный термин: «невербальное внутреннее слово». Невербальное, но все же слово или его внутренняя форма, в состав которой входит «чистый предметный остов словесной структуры и динамические логические формы» (Г. Г. Шпет). Интересны размышления Н. И. Жинкина о стоящих за мыслью предметных кодах. Всю эту пирамиду языков, можно рассматривать как сор, из которого *растут стихи, не ведая стыда*. Дополнительно поэта: и «чистые» мысли. К сожалению, когда я изображал в форме конуса языка описания мира, своего рода их Вавилонское столпотворение, то не вспомнил об идее пирамиды языков П. Я. Гальперина³⁷.

Конечно, вне пространства языков невозможно понять мышление и сознание. Но не менее важно понять действия индивида, будь это действия с вещами, со знаками, символами, словами, образами, наконец, действия с мыслями. И здесь позволю себе высказать еще одно недоумение. П. Я. Гальперину принадлежат образцы анализа предметного действия, его свойств, его судьбы. На этом анализе основана педагогическая теория и практика всей его научной школы. Я отношу эту теорию и практику к психологической педагогике. Но сам-то он, проявляя методологический ригоризм, и признавая психическую деятельность предметной, не считал предметное действие психическим и даже не считал психическую деятельность в целом предметом психологии. Оставим в покое ориентировку. Прислушаемся лишь к С. Дали, который сказал: «Я не ищущу, я нахожу».

Основанием отказа предметному действию в модусе психического послужила идентификация оппозиций внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, материального и идеального, имевшая идеологическую подоплеку. Подобная идентификация в большей или меньшей степени характерна для многих психологов, в том числе и для представителей психологической теории деятельности. Иное дело, что П. Я. Гальперину было свойственно больше, чем другим, додумывать мысль до конца. Он хотел найти бестелесное, беспримесное, «чистое» идеальное, психическое, субъективное, внутреннее. При этом он неоднократно ссылаясь на магическую формулу К. Маркса «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»³⁸. При буквальном понимании этой формулы от нее отдает чем-то мичуринско-лысенковским.

³⁷ Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Ч. 1. Живое знание. 2-е изд. Самара, 1998; Зинченко В. П. Психолого-педагогические основы развивающего обучения. М., 2002.

³⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1955. С. 19.

Для того чтобы материальное стало идеальным нужна не только голова, нужен индивид, способный к осуществлению поведения и деятельности, который только и может осуществить подобное преобразование. И его действие выполняет в таком преобразовании функцию посредника-медиатора. Об этом в 1939 году писал П. И. Зинченко: «Любой психический процесс должен быть понят не как метафизическая “функция” или “способность” сознания, не как механическая сумма реакций организма, а как определенное психическое действие, т. е. такое действие, которое необходимо предполагает отражение действительности в форме того или иного психического состояния. Психическое состояние необходимо опосредствовано действием. Само действие вместе с тем является реальным процессом, в котором происходит переход или “перевод” предметной действительности в ее идеальное отражение в психике, в сознании действующего субъекта»³⁹. Это относится к любому действию, в том числе и к предметному. А последнее наполнено когнитивными (ориентировочными) и аффективными компонентами. Его психологическое строение весьма сложно, в чем убеждают не только исследования П. Я. Гальперина и его школы. Декарт говорил, что действие и страсть — одно. Это лишь на более высоких (высоких ли?) стадиях развития психики оказывается возможным познание без претерпевания. Появляется равнодушное когито.

Как это ни мало для П. Я. Гальперина, но исследования показывают, что психика уже находится «внутри» действия (см. выше). Но она же находится и за ним, в виде мотивов, целей, смыслов и пр. Иначе и не может быть. Медиатор должен обладать свойствами крайних членов, между которыми он находится и которые объединяет. В противном случае он не сможет выполнить своих посреднических функций. Он просто не будет узан, принят и признан в качестве такового. Да и самого П. Я. Гальперина можно понять так, что если действие еще не мысль, то единица анализа мысли или даже прамысль, притом такая, которая по своей ценности часто превосходит так называемую «чистую» мысль.

Действие, в том числе и прежде всего внешнее, приобретает идеальные черты не только от осуществляющего его человека, но и от своего предмета. П. А. Флоренский⁴⁰ в свое время писал, что вещь не может непосредственно превратиться в идею, равно как идея в

вещь. Для этого нужен посредник, который одновременно есть и вещь, и идея. В качестве такого посредника выступает сакральный символ, например, икона, крест. Но ведь такими качествами обладает и культурный предмет, в том числе даже простейшее орудие, имеющее не только назначение, но и значение, т. е. ту же идею. Об этом писали М. М. Бахтин, Л. С. Выготский и П. Я. Гальперин. Поскольку это так, то действие впитывает идеальные свойства, как от совершающего его индивида, так и от своего предмета. Последнее следует и из превосходного исследования генезиса орудийной деятельности, выполненного П. Я. Гальпериним в молодые годы.

Наконец, и «чистота» идеального, «чистота» сознания и мысли весьма сомнительна. Уж если вспоминать Маркса, то он недвусмысленно писал, что на сознании с самого начала лежит проклятие материи в виде языка, который П. Я. Гальперин то искал для «чистой» мысли, то оставлял такой поиск. Сила тяжести предметного действия снова притягивала его к себе. Мне кажется, что перечисленные выше дихотомии, тем более их идентификацию пора преодолеть (или оставить философам). Нужно последовать примеру А. А. Ухтомского, который утверждал, что субъективное не менее объективно, чем, так называемое, объективное. К этому нужно добавить, что идеальное может быть столь же внутренним, сколь и внешним. Другими словами, необходимо расширить понятие объективного за счет включения в него субъективного⁴¹. И расширить понятие субъективного, включив в него вполне реальные идеальные объекты, в том числе и идеальные действия. К этому шел и П. Я. Гальперин, который высказал твердую уверенность в том, что учение об «осмысленной деятельности, <добавлю: и учение П. Я. Гальперина о психике как об ориентировочной деятельности>, в конце концов, станет основанием для психологии, настоящей психологии — объективной науки о субъективном мире человека (и животных)»⁴². В итоге щедрость победила! Но не только. Редко обращается внимание на то, что Гальперин перевернул навязшее в зубах определение психологии как науки о субъективном отражении объективной действительности. В его определении подразумевается объективность субъективного. Оно стоит как бы наравне с объективным миром. А в каких отношениях находятся оба мира — это дело личной судьбы и обстоятельств. Для психологии — это ис-

³⁹ Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского пед. ин-та иностранных языков. Харьков, 1939. Т. 1. С. 161.

⁴⁰ Флоренский П. А. Философия культа // Труды Московской патриархии. М., 1977. Сб. 17.

⁴¹ Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.

⁴² Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 271.

комое, проблема, вопрос, на который она должна искать ответы. В субъективном мире мир объективный может отражаться, искажаться. Носитель субъективного мира может дистанцироваться от объективного мира, погружаться в себя, может порождать новый мир и объективировать его. Одним словом, быть его хозяином или заложником. Кстати, ориентироваться в своем собственном мире (а тем более овладеть им) вовсе не проще, чем в так называемом объективном. Именно этому учил нас П. Я. Гальперин на своих лекциях.

И все же у меня остается главный вопрос к П. Я. Гальперину-ученому, который в очередной раз попытаюсь сформулировать. Гальперин, действительно, объективировал психическую деятельность, вынес ее наружу (Г. Г. Шпет сказал бы: овнешнил душу), придал психической деятельности черты предметности, осмысленности, признал возможность ее внешне-предметного и идеально-предметного осуществления (почти по Ф. Тютчеву Гальперин сделал ее «жилищем двух миров»), констатировал наличие у нее сложной структуры и т. д. И отличил психическую деятельность от точно такой же предметной, но не-психической деятельности по одному единственному параметру, — по функции ориентировки. Не слишком ли расточительно конструировать компас такой же сложности, как корабль? А уж если сконструировали такой сложный аппарат, то не стоит ли придать ему еще какие-либо функции, помимо отражательных и ориентирующих? В том числе и функции порождения того самого субъективного мира человека, которым должна заниматься настоящая психология. Не будем спорить, что-то рождается в практической (не-психической) деятельности, но многое рождается и в самой психической деятельности. Действие рождает действие, — говорит ученик Гальперина Б. Д. Эльконин, образ рождает образ, мысль рождает мысль, я рождает второе я, наконец, есть второе, третье и т. д. рождение самого человека. Как говорил О. Мандельштам:

Я и садовник,
Я же и цветок.

Эта сложнейшая работа требует соответствующего устройства, и оно само *растет* (выражение П. Я. Гальперина) в той мере, в которой ее выполняет. Оставим в стороне, так называемую, не-психическую деятельность (если таковая возможна). Нам важнее, что, отличая от нее психическую, Гальперин по-своему строил онтологию психического как такового и вольно или невольно психологизировал то, что в рамках деятельностного подхода называлось внешней предметной деятельностью.

Возможен и другой вариант объяснения разделения деятельности на психическую и не-психическую. Первая от второй отличается как искусство от не-искусства, т. е. чуть-чуть. Назовем вторую ее настоящим именем — бездушная деятельность. В ее «познании» опыта было ему не занимать. Может быть, именно от бездушной (или бессубъектной, как у Г. П. Щедровицкого) деятельности хотел дистанцировать Гальперин свою любимую науку? Этого мы никогда не узнаем.

Разумеется, поиск онтологии психического продолжается. Успехи на этом пути П. Я. Гальперина, как говорилось выше, во многом объясняются его способностью к самоограничению и требовательностью к себе. Он неукоснительно соблюдал выработанные им нормативы исследования: «Изучение предметного действия можно, но не следует начинать с того, чтобы ставить его в произвольно выделенные условия и смотреть, что получится, как оно будет выполняться или формироваться. Наоборот, в исследовании предметных действий исходным становится вопрос: “Что нужно для того, чтобы сформировать такое-то действие с такими-то свойствами?” Нужно идти не от условий к действию (какое получится), а от заданного действия к условиям, обеспечивающим его формирование. Не наблюдать и констатировать формирование действий, а строить его! И создавать условия, которые для этого необходимы. <...> Лишь впоследствии, когда путь формирования будет установлен, по его генетической шкале, открывается возможность анализа уже готовых, сложившихся явлений»⁴³. Что же все-таки верно? Закрывается, о чем столь же недвусмысленно заявлял П. Я. Гальперин, или открывается? Сформулированные нормативы частично наивны, частично претенциозны. Чтобы «здать» действие, нужно уже его знать! И такое знание приобретается часто в поисковых, так сказать, в до-нормативных исследованиях, выполнявшихся в том числе и в ранних работах Гальперина.

Так или иначе, ему удалось пройти по этому пути достаточно далеко. Но! Не до конца. Для дальнейшего развития мышления все же оставались некоторые, степени свободы, чтобы оно могло течь спонтанно, по непредсказуемому руслу. Ж.-Ж. Руссо в свое время сказал: кто начал мыслить (в том числе, видимо, и с помощью теории и практики формирования умственных действий), того уже не остановить. Он будет «думой думу развивать» (А. С. Пушкин). В шутовском стихотворении Томаса Элиота есть строчки, заставляющие серьезно задуматься о дистанции между предметным действием и мыслью:

⁴³ Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. С. 288–289.